

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-127-143

СЕМАНТИКА ВОСТОРГА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Го Лицзюнь

Университет имени Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай

Анна Викторовна Щетинина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Для контактов: guolj5@mail.sysu.edu.cn, A.V.Shchetinina@urfu.ru

Аннотация. В статье представлен семантический анализ лексемы *восторг* в русском языке и её эквивалентов в китайском. Актуальность исследования обусловлена использованием переводческих практик в процессе преподавания языка инофонам с учётом коммуникативного подхода, в результате которых у студентов возникают затруднения при понимании текстов, отражающих эмоциональные реакции носителей языка. Авторы, анализируя значения слов и словосочетаний, выражающих эмоциональное состояние восторга, выявляют сходства и различия его семантической репрезентации в русском и китайском языках. С этой целью авторы используют теорию семантических переходов, позволяющую выявить прототипические ситуации эмоции восторга. Установлено, что в русском языке лексема *восторг* является ключевой для выражения соответствующей эмоции, при этом специфические черты проявления восторга маркируются посредством прилагательных (*бешеный восторг, губельный восторг* и др.). Между тем в китайском языке для репрезентации эмоции восторга используется несколько ключевых слов (兴奋 ‘волнение, возбуждение’, 狂喜 ‘экстаз’, фразеологизмы 欢欣鼓舞 ‘радость и волнение’ и др.), что объясняется разным национально-культурным контекстом. В то же время в русском и китайском языках коллокации, описывающие восторг, имеют сходную семантику: речевых действий, психологического состояния, физических реакций и др.

Ключевые слова: эмотивная лексика, лексема *восторг*, культурный контекст, теория семантических переходов, русский язык, китайский язык.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Национального фонда социальных наук Китая в рамках проекта «Междисциплинарное исследование механизмов образования и когнитивных мотиваций эмоциональной лексической семантики в русском и китайском языках» (Грант № 24YU078).

Для цитирования: Го Лицзюнь, Щетинина А.В. Семантика восторга в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 127–143. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-127-143

Статья поступила в редакцию 19.08.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

SEMANTICS OF DELIGHT IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Guo Lijun

Sun Yat-Sen University, Guangzhou, P. R. China

Shchetinina Anna Viktorovna

Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin, Russia

For contacts: guolj5@mail.sysu.edu.cn, A.V.Shchetinina@urfu.ru

Abstract. Emotional perception and expression vary significantly across cultures, creating challenges in translation and language teaching. This study explores how the emotion of delight is semantically represented in Russian and Chinese, two high-context cultures with different philosophical foundations. The research aims to create comprehensive semantic profiles of the Russian lexeme *vostorg* (*delight*) and its Chinese equivalents, identifying similarities and differences in their semantic representation. This analysis addresses difficulties foreign language learners face when interpreting emotionally expressive texts. The methodology applies semantic transition theory, analyzing three types of meaning shifts: those based on prototypical situation components, implications from prototypical situations, and incidental consequences of emotional states. Data was collected from the Russian National Corpus, lexicographical sources, and corpus examples from both languages. The analysis focuses on collocations, metaphorical expressions, and contextual usage patterns. Results reveal that in Russian, *vostorg* functions as a central lexeme for expressing delight, with

© Guo Lijun, Shchetinina A.V., 2025

specific emotional qualities indicated through modifying adjectives (e.g., *poetic delight*, *frenzied delight*, *fatal rapture*). Chinese, however, employs multiple distinct lexical items (兴奋 ‘excitement’, 狂喜 ‘ecstasy’) and idiomatic expressions (欢欣鼓舞 ‘joy and excitement’, 欣喜若狂 ‘wild with joy’) to represent varying intensities and contexts of delight. Despite these structural differences, both languages share similar semantic patterns in expressing manifestations of delight through verbal actions, visual expressions, physical responses, and psychological states. Automated translation systems typically fail to capture these nuanced emotional expressions, offering only generalized equivalents. In conclusion, the research reveals fundamentally different lexicalization strategies: Russian employs a more economical approach with one core lexeme modified by adjectives, while Chinese offers greater flexibility through distinct lexical items for different emotional contexts. This difference poses significant challenges for language learners and translators. Effective teaching of emotional vocabulary requires semantic profiling rather than simple dictionary work, allowing learners to analyze different semantic transitions and understand the cultural context behind language patterns. This approach helps bridge the gap between different cognitive models and improves cross-cultural communication competence.

Key words: emotive vocabulary, the lexeme *delight*, cultural context, theory of semantic transitions, Russian language, Chinese language.

Acknowledgement. This research was supported by the National Social Science Fund of China [Grant No. 24BYY078] under the project titled “An Interdisciplinary Study of the Derivation Mechanisms and Cognitive Motivations of Emotive Lexical Semantics in Russian and Chinese”.

For citation: Guo Lijun, Shchetinina A. V. (2025) Semantics of delight in Russian and Chinese. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Pervoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 127–143. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-127-143

The article was received on August 19, 2025;
approved for reviewing on October 09, 2025;
accepted for publication on October 15, 2025.

Введение

Одним из способов изучения языковой картины мира является анализ внутренней формы слов и фразеологизмов. Описание внутренней формы в аспекте сопоставления лексики разных языков может опираться на способ семантических переходов ‘X’ → ‘эмоция’. В данной работе при портретировании лексемы *восторг* на материале русского языка и её эквивалентов в китайском языке мы

опираемся на исследование профессора Е.Р. Ионесян, посвящённое типам семантических переходов — «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений...» (Зализняк, 2009), которые лежат в основе номинации эмоций (Ионесян, 2020). Исследователь выделяет 3 типа семантических переходов (Ионесян, 2020: 6–12), которые базируются на:

- «компонентах прототипической ситуации соответствующих эмоций»: от компонента значения / прототипической ситуации к значению (актуально для анализа зафиксированного в словарях определения слова);
- «импликациях из прототипической ситуации эмоций»: от импликации прототипической ситуации к компоненту значения, а затем к значению (актуализируются компоненты метафор и неметафор, не зафиксированные в исходном значении, «поскольку для толкования этого значения они не нужны» (Кустова, 2000: 108));
- «инцидентных следствиях прототипической ситуации соответствующих эмоций»: от значения эмоции к инцидентному следствию (в контекстном употреблении актуализируются компоненты, не входящие в значение номинации эмоции).

Далее анализ семантических переходов позволит нам охарактеризовать слово *восторг* с точки зрения базовых и дополнительных семантических особенностей в русском и китайском языках.

Семантика русской лексемы *восторг* и её китайских эквивалентов

В «Большом универсальном словаре» под редакцией В.В. Морковкина значение слова *восторг* представлено как ‘необыкновенно радостное возбуждение в связи с чем-л. доставляющим очень большое удовольствие’ (Большой..., 2017: 137). В семантеме можно выделить две ключевые семы, одна из которых ‘необыкновенно радостное возбуждение’ идентифицирует саму эмоцию, а вторая ‘большое удовольствие’ указывает на причину появления эмоции. Эти семы можно представить как компоненты прототипической ситуации восторга («это не сама ситуация, существующая в действительности, а её когнитивная модель, так как единица языка отражает не объекты или отношения между объектами, а то, как эти объекты и отношения познаны и концептуализированы говорящим» (Горбунова, 2010: 357)). Так, осуществляется переход от компонента значения ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, доставляющей большое удовольствие’ к

значению лексемы *восторг*. Таким образом осуществляется семантический переход: ‘радостное возбуждение’ → ‘восторг’, ‘большое удовольствие’ → ‘восторг’. Приведём несколько примеров употребления лексемы *восторг*, иллюстрирующих данные прототипические ситуации: *Такие ресницы, тени — всё это приводило меня в бешеный восторг, я по часу утром сидела перед зеркалом* (НКРЯ: М. Варденга, Г. Тюнина. Фрагменты белого стиха // Домовой, 2002); *Я старалась изменить себя и была в восторге, когда у меня начало получаться что-то убедительное* (НКРЯ: Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» // Экран и сцена, 2004).

В качестве импликации из прототипической ситуации эмоции восторга может быть представлен компонент одобрения, например, переходы ‘талантливое произведение’ → ‘восторг’, ‘талантливый человек’ → ‘восторг’, поскольку семантика радости и удовольствия в модели ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, доставляющей большое удовольствие’ включает в себя одобрение, в наших контекстах — разных актуализаций таланта, например: *Публика пришла в восторг, а жюри присудило спектаклю диплом первой степени* (НКРЯ: Классика на школьной сцене // Народное творчество, 2004); *Когда оркестр стал впоследствии пинать Светланова, я вспомнила, как ко мне подошла на том концерте одна виолончелистка, покрасневшая от восторга, и сказала: — Всё-таки какой же у нас шеф! Замечательный! Похвала от самих оркестрантов дорогого стоит* (НКРЯ: Сати Спивакова. Не всё, 2002).

Инцидентным следствием восторга может стать вдохновение. Сема ‘вдохновение’ не входит в семантему слова *восторг*, но актуализирует в контексте ассоциации с поведением, которое мотивировано полученной эмоцией восторга. Рассмотрим пример: *Однажды, когда в Советском Союзе ещё не было никаких свеч, кроме «бытовых», Ефим Шифрин на гастролях за границей увидел рождественскую свечу, которая привела его в восторг. С тех пор уже много лет артист привозит отовсюду свечки, но не прямые, а оригинальные — редкой, своеобразной формы* (НКРЯ: Н. Склярова. Если бы у медведя было ружьё // Вечерняя Москва, 2002). Компонент значения ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, доставляющей большое удовольствие’ (*увидел рождественскую свечу, которая привела его в восторг*) обусловил побуждение субъекта к действиям (*привозит отовсюду свечки*), творчески осмысленным (*но не прямые, а оригинальные — редкой, своеобразной формы*). Данные компоненты входят в значение слова

вдохновить (БУСРЯ, 2017: 88), то есть осуществляется семантический переход 'восторг' → 'вдохновение', где вдохновение становится инцидентным следствием прототипической ситуации эмоции восторга. Данную ситуацию маркируют прилагательные *кулинарный, вокальный, поэтический*, указывающие на тип творческого действия, в ходе которого создаётся восторженное эмоциональное состояние: *Но на выходных я раскопала тесто фило в морозилке и наконец-то с ним поработала. И вот он, **кулинарный восторг!** Такое удовольствие работать с ним! <...> Очень вкусно. Но сам процесс приготовления ... м-м-м ... я теперь фанат теста фило. Хочу ещё* (А давно ли вы испытывали кулинарный восторг? // nn.ru, 2019); *Тембрально окрашенные «верха», мрачные, почти «металлические» ноты нижнего регистра заставляют слушателя не без удовольствия ожидать **вокального восторга** финала. Ожидания оправдываются вполне, и рыдающее «Она мертва!» заглушается ревом аплодисментов* (НКРЯ: Ю. Кантор. Классика жанра... // «Известия», 2001.06.25); *Он сам рассказывал мне свою историю и горько жаловался на свою бедность, но ещё больше на то, что никто его не понимает; что бьют его, когда он, в пылу **поэтического восторга**, за недостатком бумаги, изрежет столы своими стихами...* (НКРЯ: В.Ф. Одоевский. Импровизатор, 1833). При этом последнее прилагательное чаще имеет метафорическое значение, маркирующее ситуацию не стихосложения, а оценки субъектом окружающей действительности: *Кстати, Герцена привела в истинно **поэтический восторг** их бумажная мануфактура: огромные водяные колёса бешено вращались в плеске и треске* (НКРЯ: В.А. Коршунков. Купечество вятское... // «Волга», 1999).

Позитивная семантика лексемы *восторг* репрезентируется в большей части контекстов, что, в частности, выражается в типовой сочетаемости с прилагательными, которые маркируют внешнее проявление данного эмоционального состояния (восторг: *большой / безумный / бешеный / бурный / всеобщий / искренний / невероятный / немой / неопиcуемый / неподдельный / непомерный / обций / полный / полнейший / почтительный / простодушный / совершенный / совершеннейший / сплошной / страстный / телячий / форменный*), выражая степень внешнего проявления эмоции. Крайнюю степень демонстрации радости и/или одобрения подчеркивают характеристики *безумный* и *бешеный*: *Под **безумный восторг** зала (бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура») русский народ был официально объявлен главным* (НКРЯ: И. Николаев. Последний приказ генерала // Звезда, 2001); *Как олушительно, в **бешеном вос-***

торге, хохотал он во всю свою просторную глотку! (НКРЯ: Н.К. Чуковский. Приключения профессора Зворыки, 1926) и др.

В то время как в русском языке для выражения всего спектра интенсивности проявления эмоции восторга используются дополнительные лексические маркеры (*бешеный восторг, сплошной восторг* и др.), так же как и для отражения специфики проявления восторга в различных коммуникативных ситуациях (*поэтический восторг, кулинарный восторг* и др.), в китайском языке подбираются разные лексемы, идентифицирующие особенность выражения эмоции восторга в процессе коммуникации. Русской лексеме *восторг* эквивалентны несколько языковых единиц: лексемы 兴奋 ‘волнение, возбуждение’, 狂喜 ‘экстаз’ и фразеологизмы 欢欣鼓舞 ‘радость и волнение’, 喜气洋洋 ‘переполненный радостью’, 欣喜若狂 ‘сильно радоваться; быть вне себя от радости’, 欢天喜地 ‘быть в восторге; праздновать с большим удовольствием’, 兴高采烈 ‘высокий подъём; ликовать’, 欢天喜地 ‘быть в восторге; праздновать с большим удовольствием’.

Данные языковые единицы используются в китайском языке для передачи ощущения великой радости, особенно по случаю успеха, что соответствует прототипической ситуации перехода от компонента значения ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, вызывающей крайне возбуждённое состояние’ к значению языковых единиц с семантикой восторга. Так, в «Большом русско-китайском толковом словаре новой эпохи» эмоция восторга передаётся словами 欣喜 ‘радость’, 非常高兴 ‘очень счастлив’, 狂喜 ‘экстаз’ (Большой..., 2014: 137). В этом случае актуализируется семантика разной степени интенсивности проявления позитивно-приподнятого эмоционального состояния: от его констатации к усилению признака через наречие *очень* и к высшей степени эмоционального подъема, даже запредельной, граничащей с исступлением.

Для того, чтобы выбрать более точный эквивалент к русскому слову *восторг* в китайском языке, необходимо сначала точно понять степень интенсивности проявления эмоции, заявленной в оригинальном тексте. Затем следует выбрать наиболее подходящее китайское слово с семантикой соответствующей эмоциональной интенсивности. Возможно, потребуются добавить описательные слова в перевод для более точной передачи смысла. Приведём несколько примеров разных вариантов перевода русской фразы на китайский язык и китайской фразы на русский язык в зависимости от коммуникативной ситуации, которая идентифицируется в контексте.

Он с восторгом принял подарок.

Варианты перевода в зависимости от контекста:

(1) 他高兴地接受了礼物 / Он с удовольствием принял подарок (умеренная степень интенсивности проявления эмоций);

(2) 他欣喜地接受了礼物 / Он с радостью принял подарок (средняя степень интенсивности проявления эмоций);

(3) 他兴高采烈地接受了礼物 / Он с большим энтузиазмом принял подарок (высокая степень интенсивности проявления эмоций).

При этом отметим, что в интернет-ресурсах «Яндекс.Переводчик», Tencent и Baidu китайское предложение переводится на русский язык одинаково: *Он радостно принял подарок*, репрезентируя семантический переход 'радостное возбуждение' * 'восторг', отражающий стандартную русскую когнитивную модель репрезентации ситуации, в которой у человека появляется приподнятое настроение, доходящее до восторга.

他欣喜若狂地跳了起来.

Варианты перевода в зависимости от контекста:

(1) Он подпрыгнул от безумной радости;

(2) Он вскочил в неопишемом восторге;

(3) Он подпрыгнул от безумного восторга.

Восторг выражает сильную радость и волнение, превышающие обычное состояние радости, что отражено в данных вариантах перевода.

При этом в автоматических русских и китайских переводчиках эмоция восторга дополнительно не интенсифицируется: *Он в восторге подпрыгнул* («Яндекс.Переводчик») и *Он вскочил от восторга* (Baidu.Переводчик / 百度翻译).

Данные примеры перевода показывают, что семантический анализ лексемы на основе изучения его контекстного употребления имеет значение в практике преподавания языка инофонам для нахождения вариантов адекватного коммуникативной ситуации перевода, в частности языковых единиц с семантикой эмоций, поскольку в разных культурах восприятие фактов действительности и реакция на них может различаться. Китай и Россия относятся к «высококонтекстуальным культурам» (по Эдварду Т. Холлу), в языках которых большая часть лексической информации находится не в значении слова, а в его контекстуальном окружении [Hall, 1976]. В то же время русскоязычную и китайскую культуры и философские основы мировоззрения нельзя назвать близкими, что создаёт значительные сложности при изучении языка.

Русский принцип номинации понятия в некотором смысле более экономичен, так как требует освоения одного ключевого слова и ряда модификаторов для выражения широкого спектра эмоциональной интенсивности. Китайский принцип предоставляет большую гибкость, позволяя говорящему точно определить эмоцию путем выбора конкретного слова.

В то же время прототипические ситуации восторга как когнитивные модели представления носителей языка об этих ситуациях в целом повторяются. Так, Чжао Чуньли указывает, что «эмоции всегда находятся в определённой цепочке причинно-следственных связей» и это можно проверить с помощью конструкции 'каузативный глагол + человек + A' (Чжао Чуньли, 2007: 126). Мяо Цзюнь отмечает, что для возникновения соответствующего психического состояния мы сначала должны осознать событие, способное вызвать это состояние. Таким образом, «когда мы чувствуем разочарование, стыд или радость, мы всегда чувствуем это по какой-то причине» (Мяо Цзюнь, 2007: 33).

Восторг не только называет эмоциональное состояние, но и указывает на источник стимула, формируя каузальные связи в эмоциональном процессе. Эти каузальные отношения в китайском языке выражаются посредством конструкций типа 'X令人/使人/让人 + эмоция' = 'X приводит человека в восторг'. В результатах поиска по запросу «令人兴奋 (X приводит человека в восторг)» в корпусе китайского современного языка Пекинского университета часто встречаются такие комбинации, как '令人兴奋的 + причина' (например, 令人欣喜的消息/变化/成就/成绩/数字/前景/设想/丰收景象 — новости / изменения / достижения / успехи / цифры / перспективы / замыслы / урожай, вызывающие восторг). Кроме того, есть фразы типа 为之欣喜若狂, где '之' указывает на причину, по которой человек испытывает восторг. Например: 面对这令人狂喜的喜讯, 周大新却是平静如初。(1993年01—06月《作家文摘》) / Столкнувшись с этой радостной новостью, вызывающей восторг, Чжоу Дашин остался столь же спокоен, как и прежде (Извлечения из произведений писателей, 1993); “丰收舞”的音乐很有特点, 它的节奏明快而又激动人心. 这个舞蹈表现了人们获得丰收的幸福, 和令人欣喜的欢乐情绪。(人民日报_1957_10) / Музыка «Танца урожая» очень своеобразна, ритм её быстрый и вдохновляющий. Этот танец выражает счастье людей от полученного урожая и радостные эмоции, вызывающие восторг (Газета «Жэньминь жибао», 1957).

Противоположная, имплицитная, характеристика маркирует в русском языке прилагательными *скрытый, тайный, тихий,*

которые актуализируют семантический переход 'удовольствие' → 'восторг', при этом удовольствие могут вызывать разные ситуации, например, преступление: *Украсть плитку шоколада в магазине, смухлевать с налогами — во всём этом есть **скрытый восторг** и нарушения, и возмездия* (НКРЯ: И. Ефимов. Суд да дело // Звезда, 2001); физическая активность, например: *В отсутствие скачущего коня и горящей избы им просто необходимо каждый день перетаскивать из одного места в другое громоздкие и увесистые предметы, чтобы с **тайным восторгом** ощутить, опуская сумки на пол в прихожей: жизнь прекрасна* (НКРЯ: «Вынесет всё». Читатель-соавтор // Известия, 2002). Прилагательное *тихий* актуализирует разные семантические переходы 'радость' → 'восторг', 'одобрение' → 'восторг', при этом выражение интересно тем, что *тихий восторг* в ряде контекстов сопоставляется с эмоцией страха или противопоставляется ей: *А оставлять после себя потомкам выжженную, искореженную землю мы не будем. В Москве смотрели на это поразному: одни с паническим страхом, другие — с **тихим восторгом*** (НКРЯ: В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1, 1999).

Китайскими эквивалентами русских имплицитных характеристик выражения удовольствия (*скрытый / тайный восторг*) являются наречие 暗暗 'тайно, про себя' или наречие с глаголом 暗喜 'тайно радоваться', где сема скрытности инкорпорирована в корень, а получение удовольствия контекстуально связывается с нарушением запретов. Существует также устойчивое выражение 暗自狂喜 'тайно ликовать', указывающее на высокую интенсивность скрываемой эмоции, например: 他会暗自狂喜, 也会深长叹息 / Он может тайно ликовать, а может и глубоко вздыхать. Таким образом, если в русском языке латентность переживания кодируется через атрибутивную конструкцию, то в китайском адвербиально, создаётся по модели «наречие + глагол» или передаётся посредством фразеологизма.

Прилагательное *гибельный* актуализирует семантический переход на основе инцидентных следствий прототипической ситуации, отражающей языковые представления о действительности носителей языка, которые не совпадают с их обыденными представлениями. Так, например, семантический переход 'смерть' → 'восторг' представляет прототипические ситуации ощущения близкой смерти: *Участились головные боли, не раз и не два во сне наступали предощущения **гибельного восторга**, зато обычные, бытовые общения с мужчинами отвращали* (НКРЯ: А. Азольский. Глаша // «Новый

Мир», 2003); ожидания близкой смерти: *Или кувыряться и гулять, опять-таки ожидая с **гибельным восторгом**, когда она явится перед тобой, вся в белом и с косою* (НКРЯ: Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997); нахождения в смертельной опасности: *Прям на него пёр танк, метров на пять по обе стороны все были мёртвые в окопе, зашарил слепо по передней стенке и провалился в нишу, нащупал пальцами железный ком гранатной связки, немного посидел, угнувшись, вбирая сладостно нутром, с каким-то **гибельным восторгом** растуший лязг, натужный рокот, дождался предпоследней близости махины и, распрямившись в рост, швырнул что было силы связку* (НКРЯ: Сергей Самсонов. Одиннадцать, 2010) и др.

Семантический переход 'смерть' → 'восторг' в китайском языке представлен описательной конструкцией, отражающей источник интенсивного переживания, например, 致命的快感 или 冒险的刺激. При этом важно отметить, что китайские лексемы 快感 и 刺激 в данном контексте не являются прямыми эквивалентами русского слова *восторг*, они репрезентируют семантику удовольствия, кайфа и острых ощущений. Соответственно, перевод этих конструкций будет выглядеть так: 致命的快感 — букв. 'смертельное удовольствие / кайф'; 冒险的刺激 — букв. 'возбуждение / острые ощущения от риска'.

Семантический переход, основанный на инцидентном следствии, представлен, на наш взгляд, и в сочетаемости существительного *восторг* с прилагательными возрастной семантики *детский*, *юношеский*, значения которых включают в себя презумпцию имманентного свойства возраста 'ребяческий, наивный, незрелый, не свойственный взрослому': *Женщина с **детским восторгом** разглядывала старинную технику* (НКРЯ: Д. Ищенко. Парад Победы // «Октябрь», 2013); *Фамилии должностных лиц и сами названия их должностей Борис Александрович произносит с **юношеским восторгом**. О себе предпочитает говорить в третьем лице* (НКРЯ: В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру, 1976).

Переход, основанный на инцидентном следствии, связанном с возрастной семантикой, репрезентируется в китайском языке конструкцией подобию «...般的» 'подобный', 'как у...'. Ключевым здесь является сочетание 孩子般的兴奋. В данной модели атрибут 孩子般的 'детский' так же, как и в русском языке, выражает характеристики на основе ассоциации с детской непосредственностью, чистотой и искренностью, например: 孩子般的兴奋, 溢于言表 / (Его/

её) по-детски непосредственное возбуждение / оживление было невозможно скрыть.

Кроме того, семантический анализ метафорических и неметафорических коллокаций в русском и китайском языках позволяет дополнить спектр следствий из прототипических ситуаций эмоции восторга, репрезентирующих радостно-возбуждённое состояние, которое сопровождается «типичными внешними проявлениями: улыбкой, смехом, приливом физических и душевных сил, живостью, энергией» (Бабенко, 2021: 134):

(1) ‘совершать речевые и звуковые действия’:

всхлипывать от восторга, исторгнуть восторг, кричать в восторге, крикнуть в восторге, шептать в восторге, взвизгивать от восторга, визжать от восторга, захлёбываться от восторга, приветствовать с восторгом, рассказывать с восторгом, сказать с восторгом, свистеть от восторга и др.

兴奋地大声嚷嚷 (кричать от восторга); 兴奋得说不出话来 (исторгнуть восторг); 兴奋地低语 (шептать в восторге); 兴奋地尖叫 (визжать от восторга); 兴奋地说 (сказать с восторгом); 兴奋地讲述 (рассказывать с восторгом); 兴奋地吹口哨 (свистеть от восторга);

(2) ‘выражать визуально’:

глаза горят восторгом, (глаза) сиять восторгом, нельзя было смотреть без восторга, взор сиял восторгом и др.

眉开眼笑 (улыбаться от восторга); 喜笑颜开 (лицо светится от восторга); 笑逐颜开 (лицо озарилось улыбкой от восторга); 笑容满面 (лицо полное восторга); 满面春风 (лицо светится восторгом); 神采飞扬 (гореть восторгом);

(3) ‘совершать телодвижения под влиянием чувства’:

подпрыгивать от восторга, падать от восторга на землю, в восторге бросать шапку в небо и др.

手舞足蹈 (танцевать от восторга); 欢呼雀跃 (прыгать и кричать от восторга); 拍手称快 (аплодировать от восторга); 兴奋地鼓掌欢呼 (аплодировать и кричать от восторга);

(4) ‘влиять на внутреннее психологическое состояние (сердце, душу)’: *сердце таяло от восторга, наполнять душу гибельным восторгом* и др.

心花怒放 (сердце цветёт от восторга); 心花怒放 (сердце цветёт от радости); 心潮澎湃 (сердце переполнено восторгом); 心旷神怡 (сердце и душа наполнены восторгом); 心满意足 (сердце полно удовлетворения и восторга);

(5) ‘выражать чувство’:

демонстрировать восторг, выражать восторг и др.

表现出极大的喜悦 (демонстрировать восторг); 表达出内心的激动 (выражать восторг); 乐不可支 (не сдерживать восторг).

(6) 'прийти в определённое состояние / находиться в определённом состоянии': *потерять сознание от восторга, падать в обморок от восторга, задыхаться от восторга, быть вне себя от восторга, замирать от восторга, вздрогнуть от восторга, изнемогать от восторга, выдохся от восторга, захлебнуться в восторге (от своей догадливости), ооченеть от восторга, обомлеть от восторга, трепетать от восторга, млеть от восторга, искриться от восторга, заходиться от восторга, в припадке восторга* и др.;

兴奋得晕过去 (потерять сознание от восторга); 兴奋得昏倒 (падать в обморок от восторга); 兴奋得喘不过气 (задохнуться от восторга); 欣喜若狂 (быть вне себя от восторга); 兴奋得发抖 (трепетать от восторга); 兴奋得失去知觉 (обомлеть от восторга).

Как мы видим, в приведённых примерах встречаются как полные эквиваленты коллокаций (*потерять сознание от восторга / 兴奋得晕过去* и др.), так и частично совпадающие или не совпадающие (*наполнять душу губельным восторгом / 致命的快感 — смертельное удовольствие; 心花怒放 — сердце цветёт от восторга*).

В то же время перевод в российском «Яндексе» не совпадает с теми вариантами, которые нам представляются правильными китайскими эквивалентами коллокаций с ключевым словом *восторг*. Например: 兴奋地大声嚷嚷 (*кричать от восторга*) автоматически переводится как 'возбуждённо кричащий', что в русском языке может выражать не только восторг, но и часто иное чувство, например возмущение (НКРЯ: *Гармошка издавала пронзительные звуки. Мой новый знакомый возбуждённо кричал: — Взгляни на это прогрессивное человечество! На эти тупые рожи! На эти тени забытых предков!.. Живу здесь, как луч света в тёмном царстве...* С. Довлатов. Заповедник, 1983); 兴奋得说不出话来 (*исторгнуть восторг*) переводится как 'потерявший дар речи от волнения', хотя в русских контекстах это выражение может употребляться в значении 'испытывать страх' (ВКонтакте: *Земля из-под ног ушла, когда дали микрофон. От волнения потеряла дар речи.* А. Фокина, 2024) и др. Во многом это объясняется разным грамматическим строем языков, но также и необходимостью более полного контекстного окружения слова или словосочетания. Главным образом, для адекватного перевода с китайского языка на русский и наоборот высказываний, отражающих эмоциональные состояния, необходимо понимание культурного контекста.

Выводы

Номинации эмоции восторга связаны с семантическими переходами трех типов: основывающиеся на компонентах прототипической ситуации (семы входят в состав семантем, например, 'радостное возбуждение' → 'восторг'), основывающиеся на импликациях из прототипической ситуации (семы отсутствуют в составе семантемы, но извлекаются из семантической презумпции, например, 'талантливое произведение' → 'восторг'), основывающиеся на инцидентных следствиях (семы извлекаются из прагматической презумпции, например, 'смерть' → 'восторг'). В целом теория семантических переходов позволяет осуществлять семантический анализ лексемы, выявляя причинно-следственные связи номинаций эмоциональных состояний. В свою очередь установление причинно-следственных связей номинаций эмоциональных состояний позволяет, на наш взгляд, говорить преимущественно о социальной природе прототипических ситуаций, в которых проявляется восторг.

Эмоциональное восприятие действительности репрезентируется эмотивной лексикой, которая в зависимости от контекстного окружения может отражать разное восприятие коммуникативных ситуаций. В русском языке лексема *восторг* является ключевой для понимания эмоции, которая возникает как реакция на определённый стимул. В зависимости от особенностей её проявления носители языка выбирают дополнительные маркеры ситуации, чаще всего прилагательные (*поэтический восторг, бешеный восторг, гибельный* и др.). Однако для китайцев, изучающих русский язык, сложно понять, какое прилагательное необходимо выбрать, чтобы идентифицировать те или иные обстоятельства, поскольку в китайском языке для номинации эмоции восторга нет одного ключевого слова, а существуют разные слова и устойчивые выражения. При этом автоматические системы перевода предлагают отражение только общей когнитивной модели номинации, которая для китайских и русских носителей языка не идентична: *Он пришёл в бешеный восторг* → 他非常高兴; обратный перевод китайской фразы 他非常高兴 → *Он очень счастлив*.

Таким образом, практика перевода в процессе преподавания языка инофонам, на наш взгляд, должна включать не просто работу со словарем, а анализ семантической структуры слова в сопоставительном аспекте, включающий в себя исследование разных семантических переходов, которое позволит приблизиться к пониманию культурного контекста, как следствие, к тем моделям мышления, которые свойственны носителям языка.

Список литературы

Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций. Словарь-тезаурус эмотивной лексики. М.: АСТ, 2021.

Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи. Том 1. Харбин: The Commercial Press, 2014.

Большой универсальный словарь русского языка / гл. ред. В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: АСТ-Пресс, 2018.

Горбунова Л.И. Прототипическая ситуация: к вопросу о содержании термина и перспективах его использования // *iPolytech Journal*, 2010. № 5 (45). С. 356–362.

Зализняк А.А. Каталог семантических переходов: 20 лет спустя // *Russian Journal of Linguistics*, 2018. Т. 22. № 4. С. 770–787. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787.

Зализняк А.А. О понятии семантического перехода // Материалы конференции «Диалог 2009». URL: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18.htm> (дата обращения: 21.07.2024).

Ионесян Е.Р. Типы семантических переходов, лежащие в основе номинации эмоций // представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 5–69.

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопросы языкознания*, 2000, № 4. С. 85–109.

Мяо Цзюнь. Прилагательные психологического отношения / Мяо Цзюнь // *Руководство по самостоятельному изучению китайского языка*, 2007. № 5. С. 32–37 (на кит. яз.)

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.07.2024).

Цуй Чжэюань. Скрытый семантический контекст при употреблении китайских выражений // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 2023. № 2. С. 95–110. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110

Чжао Чуньли. Принципы совместного употребления эмоциональных прилагательных и существительных // *Китайский язык*, 2007. № 2. С. 125–132 (на кит. яз.).

Hall E.T. *Beyond culture*. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976. 256 p.

References

Babenko L.G. (2021) *Alfavit jemocij. Slovar’-tezaurus jemotivnoj leksiki* = The alphabet of emotions. The dictionary is a thesaurus of emotive vocabulary. Moscow: AST. (In Russian).

Bol’shoj russko-kitajskom tolkovom slovare novoj jepohi = The Great Russian-Chinese Explanatory Dictionary of the new era. (2014) Harbin: The Commercial Press. (In Chinese).

Bol’shoj universal’nyj slovar’ russkogo jazyka = The Great Universal Dictionary of the Russian language. (2018). Moscow: AST-Press. (In Russian).

Cui Zheyuan. (2023). Skrytyj semanticheskij kontekst pri upotreblenii kitajskih vyrazhenij = The hidden semantic context in the use of Chinese expressions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 95–110. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110 (In Russian).

Edward T. Hall. (1976). *Beyond culture*. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 256 p.

Горбунова Л.И. (2010). Prototipicheskaja situacija: k voprosu o sodержanii termina i perspektivah ego ispol'zovanija = Prototypical situation: on the question of the content of the term and the prospects for its use. *Polytech Journal*. No. 5 (45), pp. 356–362 (In Russian).

Ионесьян Е.Р. (2020). Tipy semanticheskikh perehodov, lezhashhie v osnove nominacii jemocij. Representation of the emotional sphere of a person on the material of different languages = Types of semantic transitions underlying the nomination of emotions. Moscow: Institut yazykoznanija RAN, pp. 5–69 (In Russian).

Кустова Г.И. (2000) Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivacii i sistema proizvodnyh znachenij = Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings. *Voprosy yazykoznanija*. No. 4, pp. 85–109 (In Russian).

Miao Jun. (2007) Prilagatel'nye psihologicheskogo otnoshenija = Adjectives of psychological attitude. *Rukovodstvo po samostoyatel'nomu izucheniju kitajskogo yazyka*. No. 5, pp. 32–37 (In Chinese).

NKRYA — Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russian).

Zaliznyak A.A. (2009) O ponjatii semanticheskogo perehoda = On the concept of semantic transition. Proceedings of the conference. Available at: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18.htm> (accessed 21.07.2024) (In Russian).

Zaliznyak A.A. (2018) Katalog semanticheskikh perehodov: 20 let spustja = Catalog of semantic transitions: 20 years later. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22. No. 4, pp. 770–787. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787 (In Russian).

Zhao Chunli. (2007). Principy sovместного upotreblenija jemocional'nyh prilagatel'nyh i sushhestvitel'nyh = Principles of the joint use of emotional adjectives and nouns. *Kitajskij yazyk*. No. 2, pp. 125–132 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Го Лицзюнь — доцент, доктор филологических наук, факультет русского языка Института международных исследований Университета имени Сунь Ятсена, 510275, г. Гуанчжоу, ул. Синган-Си, д. 135, Китай; guolj5@mail.sysu.edu.cn; <https://orcid.org/0000-0002-9711-4180>.

Щетинина Анна Викторовна — доцент, кандидат филологических наук, докторант, кафедра языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

620085, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; A.V.Shchetinina@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>.

ABOUT THE AUTHORS:

Guo Lijun — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Studies, School of International Studies, Sun Yat-Sen University, 510275, Guangzhou, Xingang Xi Road, No. 135, P. R. China; guolj5@mail.sysu.edu.cn; <https://orcid.org/0000-0002-9711-4180>.

Anna V. Shchetinina — PhD in Philology, Doctoral student, Associate Professor at the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 620085, Yekaterinburg, Mira str., 19; A.V.Shchetinina@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.